

Иконоборчество в эмблематическом пространстве Франции в эпоху Реставрации

Иконоборчество Французской революции было частью политического и культурного процесса начиная с 1789 г. По мере развития Революции старые знаки и эмблемы уничтожались, вначале стихийно, затем в рамках новой государственной политики. Переломными были 1792 и 1793 гг. (*Clay R. Iconoclasm in revolutionary Paris. The transformations of signs. Oxford, 2012; Mazeau G. Révolution et construction de l'espace public. L'iconoclasmе à Paris en 1790 // Iconoclasmе et révolutions de 1789 à nos jours. Cezyérieu, 2014. P. 81–93; Митрофанов А.А. Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789–1794) // Signum. Вып. 9. М., 2016. С. 177–196*). Геральдическая система Франции Старого порядка была рыхлой (*Черных А.П. Ордонанс 1760 года // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 182–197*), а потому весь этот процесс происходил достаточно быстро, подогреваемый энтузиазмом «протагонистов» Революции (*Burstin H. Révolutionnaires. Pour une anthropologie politique de la Révolution française. Paris, 2013*).

Новая эмблематическая культура формировалась и в периоды Директории, Консульства и Империи. Несмотря на несходство этих политических режимов, административные элиты, пришедшие на смену революционерам, с одной стороны продолжали начатое в 1789 г., с другой, в русле наполеоновской политики создания новой имперской знати, положили начало новым геральдическим традициям, которые должны были охватить все сферы социума. Этот проект оказался недолговечным. Но и новый режим Реставрации действовал практически теми же методами, что и революционеры в 1793 г. Латентное сопротивление элит было связано с общей нестабильностью политической системы и неверием в то, что вернувшиеся Бурбоны смогут надолго удержаться на троне (*Goujon B. Les monarchies postrévolutionnaires. 1815–1848. Paris, 2012*). По сложной проблематике визуальных признаков написано мало. Только два общих труда — Э. Пиното и Э. Фюрекса служат опорой при их исследовании (*Pinoteau H. Le chaos français et ses signes. Etude sur la symbolique de l'Etat français depuis la Révolution de 1789. La Roche-Rigault, 1998. P. 215–284; Фюрекс Э. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции. М., 2022*).

Геральдическая система дореволюционной Франции восставливалась в два этапа — до и после Ста дней: возвращалось белое

знамя, белая кокарда и королевские лилии как основной элемент герба королевства (*Pinoteau H.* Op. cit. P. 217, 223, 226, 232). События, связанные с уничтожением визуальных признаков периода 1789–1814 гг., привлекали всеобщее внимание. В 1814–1815 гг. монополии власти на легитимное насилие оспаривали непримиримые ультрароялисты. Это был своеобразный способ продолжить циклы взаимной мести, начало которым положила Революция. Наибольшего размаха эксцессы достигли в Монпелье и Тулузе (эти регионы отмечены роялистской активностью еще в конце XVIII в.) (*Lucas C.* Themes in Southern Violence after 9 Thermidor // Beyond the Terror. Cambridge, 1983. P. 152–194; *Triomphe P.* La symbolique à fleur de peau. Dessus de la politique et dessous de la politisation dans le Midi de la France (1814–1851) // Annales du Midi. 2012. Oct.-Déc. P. 473–488).

После 1814 г. при режиме Реставрации оформляется новое иконоборчество, которое ближе к современному пониманию этого термина. Речь идет о мемориальном иконоборчестве (См. *Фюрекс Э.* Указ. соч. С. 270), которое уничтожает не только память об определенном режиме или персоне, но все следы целого исторического периода. Это иконоборчество отличается от революционного, которое целилось в социальные и религиозные знаки, но не стремилось к уничтожению пластов памяти об эпохе в целом.

Очищение от запрещенных знаков происходило везде, от публичного пространства до частного. Государство предъявляло монопольное право на знаки во всех сферах, кроме домашней. Принцип неприкосновенности частной собственности гарантировался Хартией 4 июня 1814 г., но нарушался в селах и малых коммунах (*Фюрекс Э.* Указ. соч. С. 272). Это не похоже на ситуацию II года республики, но в отдельных регионах такие действия власти вполне вписывались в политику «белого террора» (*Triomphe P.* 1815. La Terreur blanche. Toulouse, 2017. P. 109–260). Запрещенные знаки приравнивались к инструментам мятежа, что оправдывало их уничтожение даже в частном пространстве. Наибольшее внимание местных властей сосредотачивалось на трехцветных знаменах и кокардах, в которых усматривали призыв к «собранию», что уничтожало границу между публичным и частным. Иконоборчество также служило для проверки лояльности самих местных властей, которым и поручалось изъятие запрещенных предметов (*Fontaine P.F.L.* Journal 1799–1853. Paris, 1987. P. 624).

Спорные знаки после изъятия подвергались публичному уничтожению (*Lyons M.* Fires of expiation book-burnings and catholic missions in Restoration France // France History. 1996. Vol. 10. № 2. P. 240–266). Иконоборческие костры 1815–1816 гг. — это не столько подражание

религиозным обрядам, сколько выворачивание наизнанку революционной практики, как это происходило, например, в Орлеане (*Lottin D. Recherches historiques sur la ville d'Orleans. Pt. 3. T. 1. Orleans, 1842. P. 395.*). Эти акты были повсеместны, несмотря на объявленный правительством курс на примирение. По подсчетам Э. Фюрекса испу-дительные костры пылали по всей Франции зимой и весной 1816 г., численность их достигала нескольких тысяч (*Фюрекс Э. Указ. соч. С. 282.*). Уничтожению подвергались также бюсты и картины, печати, знамена, пуговицы, орлы, фригийские колпаки, барельефы, меда-льоны и даже листы гербовой бумаги. Иконоборчество порой похо-дило на празднество, более гражданское, чем религиозное, так как духовенство в нем участия не принимало. В регионах, где контррево-люционные тенденции были сильнее, в 1816 г. организованные вла-стями костры наблюдались реже, так как большая часть подлежащих уничтожению знаков была сожжена еще в 1815 г. В более «республи-канских» департаментах власти действовали осторожнее, уничтожая знаки и эмблемы без шума и праздничных церемоний. Это Юра, Сона и Луара, Верхняя Марна, Рона, сам Лион, департамент Верхний Рейн (Там же. С. 285–286). В Париже аутодафе не проводились. Аутодафе было метафорой окончательной победы над Революцией, победы, без которой, как полагали творцы и адепты нового режима, невозможно сколь-нибудь прочное «гражданское согласие». Ритуал не выполнил поставленной перед ним цели. Параллельно с этим частыми были акты протестного иконоборчества, коренившегося в сомнениях каса-тельно прочности и легитимности действующей власти.

В процессе конструирования постреволюционного визуального порядка иконоборчество проникало из публичной сферы в область повседневных взаимоотношений. Итогом борьбы, столь ожесточен-ной в 1814–1816 гг., стало то, что иконоборчество обернулось против самих официальных иконоборцев.